

ДИССОЦИИРОВАННАЯ ЛИЧНОСТЬ В МОДУСЕ САМОСТАНОВЛЕНИЯ (ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2009 С.Г.Букловский

Самарский государственный областной университет (Наяновой)

Статья поступила в редакцию 22.04.2009

Феномен личностной диссоциации недостаточно изучен в современной психологии. В статье рассматривается сущность феномена диссоциативного расстройства личности с позиций классического психоанализа и постаналитических концепций. Анализируется представленность личностных расстройств в бессознательном и общем психическом аппарате. Осуществляется попытка авторского понимания происхождения феномена и выявление взаимосвязи с бессознательными процессами. Обозначаются актуальные направления исследований.

Ключевые слова: диссоциация личности, бессознательные процессы, личностное расстройство, бессознательное самостановление, идентичность, логика исследования в психоанализе.

В случае анализа таких тонких и труднодифференцируемых феноменов как личностная диссоциация, необходимым и достаточным методом исследования видится «чистое» теоретическое исследование гуманитарного свойства в свете того, что там, где заканчивается естественно-научный подход, исчерпавший себя на этапе диагностики в данном случае, – неизбежно начинается подход гуманитарный, связанный с глубинными преобразованиями психической организации. Помимо создания собственной теоретической конструкции, объяснительные теории привлекаются нами не с целью рационального объяснения, а с целью выстраивания целостной аргументации нашей позиции, – с тем, чтобы сформировать интегративную рамку нарративного понимания. Ведь рационализация, по природе своей, есть совокупность формирующих свойство реальности параметров, и поглощение естественной детерминации рациональной уводит нас от постижения сути вещей, являясь догматическим преувеличением в рамках одного замкнутого теоретического контура!

Психоанализ в этом смысле служит примером: комбинация теории и метода, опосредованная личностью, сделала его парадигмой других дисциплин (Kuhn, 1962). В аспекте методологических оснований нашего следования следует пояснить, что содержание теоретических положений остается неизменным при операциональном применении их к реальности, – объяснения базируются на законах, свободных от контекста. Однако, «в случае герменевтического применения, теоретические основы переводятся в нарратив индивидуальной истории так, что причинное утверждение не существует вне

этого контекста»¹, и он, представляя собой момент интегративного понимания, о котором шла речь выше, характеризуется как «психоаналитический нарратив». Это особенно важно, так как мысль Хабермаса состоит в том, что история жизни рассматривается как процесс самостановления, цель которого – осознание своих идентификаций, отчуждения, объективаций, заблокировавших путь к конституированию субъектом самого себя – путь саморефлексии. При этом «нарративные объяснения отличаются от строго дедуктивных тем, что события и состояния, которым они приписывают причинную связь, в дальнейшем определяются самим приложением объяснения»². Диссоциация, таким образом, рассматривается нами как «техника себя», – как аккумулированный бессознательным мотивом способ самостановления в личной истории, который непреднамеренно оформляется в процессе коммуникативного действия и рефлексивно артикулируется в качестве опыта истории жизни! В качестве исходного допущения мы постулируем диссоциацию как инициированный в плоскости бессознательного способ деконтекстуализации и переструктурирования предикативной структуры личности. «Диссоциированная личность на неосознаваемом уровне вызывает по отношению к себе такую организацию социального поля, которая обеспечивает её становление и допускает вписанное в психотравмирующую нехватку или разрыв порождение нового, как категории невозможного, – вследствие травматического взаимодействия на ранних этапах интернализации объектных отношений»³. Далее необходимо привести эмпирические

¹ Habermas J. Der Universalitätsanspruch der Hermeneutik. Hermeneutik und Ideologiekritik. – Frankfurt: Suhrkamp, 1971. – S. 120 – 159.

² Томэ Г., Кэхеле Х. Современный психоанализ: исследование. – СПб.: 2001. – С. 45 – 51.

³ Букловский С.Г. Субъективная очевидность инстанции Другого в реализации бессознательных процессов – конститутивная проблема психоаналитического исследования. Проблема сознания в психологии и смежных науках: сб.

^o Букловский Сергей Георгиевич, старший преподаватель кафедры психологии. Директор научного центра «Сириус». PhD, действительный член Международной ассоциации аналитической психологии (IAAP).
E-mail: msieburg@list.ru

референты проявления диссоциативности в клинических и параклинических случаях, а также в случаях трансформации личности, носящей асоциальный характер, осмысливая их в ключе психоаналитической теории.

Острые и посттравматические стрессовые расстройства показывают, что люди могут психологически дистанцироваться или отделять себя от происходящих событий. Люди находят альтернативный взгляд на травмирующее событие, отличающийся от их обычной точки зрения. Они воспринимают подобные события как нечто нереальное, как будто они не были вовлечены в них. Эти способы могут заходить слишком далеко и тогда они становятся характерной особенностью ряда синдромов, называемых диссоциативными расстройствами. Примером является диссоциативная амнезия (длится несколько дней, в отличие от «потери памяти»), при которой человек внезапно не может вспомнить большой период своей жизни или даже всё прошлое целиком. Подобные эпизоды длятся обычно меньше недели (Andreasen and Black, 1996). В других случаях наблюдается диссоциативная fuga, при которой пациент уходит из дома и затем, через несколько дней или месяцев, осознаёт, что он находится в странном месте, не знает, как он туда попал, и абсолютно не помнит весь этот период. Ещё более драматичными являются случаи диссоциативного нарушения идентичности (ранее известного как множественное расстройство личности). В этом случае диссоциация столь сильна, что приводит к существованию двух и более различных личностей. «Вспомогательные личности» (субличности), до нескольких десятков, строятся на основе воспоминаний или фантазий. Эти фантазии, в конечном итоге, скажутся на характеристиках второй личности. «Однажды сформированное второе Я может неожиданно возникнуть в психическом пространстве»⁴. Различные субличности в подобных ситуациях не обязательно разнятся лишь настроением или отношением. Иногда у них развиты разнообразные навыки: одна играет на пианино, в то время как вторая готовит, а третья говорит по-французски. «Субличности могут знать о существовании друг друга, не помнить друг о друге или демонстрировать любую степень знакомства»⁵. Некоторые авторы полагают, что явления типа раздвоения личности могут представлять собой попытку привлечь к себе внимание, используя необычную форму самопрезентации (Gofman; Ziegler,

1963). Другие авторы стараются «понять диссоциацию в контексте процессов обмена информацией и подчёркивают их сходство с явлением специфической кодировки»⁶. Например, знания, полученные в одной ситуации, могут быть неприменимы в другом контексте. Аналогично, неосознаваемые воспоминания могут влиять на поведение даже без какого-либо внешнего толчка. То же может относиться и к диссоциации. Фрейд считал диссоциацию защитой от слишком болезненного психологического переживания. Примером является острая реакция на стресс. «Жертвы насилия иногда говорят, что когда это происходило, они ощущали себя вне своего тела, как будто видели насилие со стороны»⁷. Они иногда ощущали необыкновенное спокойствие и говорили, что «было такое чувство, как будто это происходит на самом деле не со мной». Очевидно, эти реакции создают чувство дистанцированности от происходящего. Ряд доказательств получен в исследованиях гипноза, который в свою очередь ряд исследователей рассматривает как «управляемую диссоциацию», в процессе которой создаётся новая личность (часто не одна) во время гипнотического транса (Hilgard, 1996; Gapanaway, 1989). Есть основания полагать, что наиболее серьёзное расстройство – диссоциативное нарушение идентичности, является результатом психотравмы. В большинстве исследованных случаев имели место серьёзные происшествия или события, связанные с повторяющимся физическим и сексуальным насилием в детстве, часто включавшим в себя incest (Putnam et al; 1986). Причинно-следственная связь может быть и обратной: диссоциация может подталкивать человека к воспоминаниям о психотравме.

Расстройство личности, к которому традиционно относят психотравму, не является психическим заболеванием в той же степени, в какой не является оно и «нормой» развития. Единая концепция в определении границ аномального развития и варианта нормального отсутствует. «Расстройство личности понимается в психопатологии как стойкое, врождённое или приобретённое характерологическое расстройство, проявляющееся дисгармоничностью психической конституции личности при общей сохранности психического аппарата и проявляющееся в девальвации межличностных отношений и нарушении социальной адаптации»⁸. Причём, количественные изменения ряда психических свойств в совокупности создают качественно новые состояния, проявляющиеся в широчайшем поведенческом, когнитивном и эмоциональном диапазоне. Данные расстройства характеризуются: парадоксальностью, сензитивностью, дисгармоничностью,

науч. трудов. – Вып. 4 / Под ред. Г.В.Акопова, Н.Б.Шкопорова. – Самара: 2008. – С. 125 – 141.

⁴ Gleaves D.H. The sociocognitive model of dissociative identity disorder: A reexamination of the evidence. – Chicago: University of Chicago Press, 2006. – Vol. 4. – PP. 42 – 59.

⁵ Coons P.M. Confirmation of child – hood abuse in child and a dole scent cases of multiple personality disorder and dissociative disorder not otherwise specified // Journal of Nervous and Mental Disease. – Vol. 17. – New York: Academic Press, 1994. – P. 1148.

⁶ Waelder R. The principle of multiple function: observations on over-determination. – Psychoanal. Quart., 5, 1976. – PP. 45 – 62.

⁷ Zigler E.F. Socialization and personality development. – Reading, Mass.: Addison-Wesley, 2003. – Vol. 3. – PP. 459 – 589.

⁸ Лэнг Р. Расколотое «Я». Антипсихиатрия. – М.: 1995. – С. 45 – 51.

утратой чувства реальности, деперсонализацией, мозаичностью (фрагментированностью), экстравагантностью и компенсацией в ситуации социальной изоляции). Приверженцы психодинамической концепции утверждают происхождение диссоциативных расстройств из той области психики, которую Фрейд первоначально описывал как всеосознательную, – содержащую подавленные, то есть недоступные сознанию идеи, переживания и чувства, которые связаны с особым типом мышления. Этот тип он назвал лишённым рациональной логики и временной организации «первичным процессом». Этим определяется сочетание несколько взаимоисключающих (!) типов личностных расстройств в пространстве одной личности (мозаичное расстройство личности). Этиология и патогенез этого нозологического параметра на сегодняшний день остаются невыясненными. Психодинамический подход предлагает объяснения подобных расстройств де-формацией межличностных и объектных отношений на самых ранних этапах психосексуального развития (до формирования мышления и речи) и вследствие этого, видоизменение комплекса психологических защитных механизмов, обнаруживающих себя психопатическими проявлениями. Изменение личностной структуры первично инициировано на уровне бессознательного. Сновидения, симптомы, свободные ассоциации и т.п. предстают как протекающая на неосознаваемом уровне внутренняя речь, которая носит по отношению к субъекту иноприродный характер. Фрейд выделяет два типа преобразования внутренней речи в явное содержание: конденсация и смещение. Такой перевод «скрытых мыслей» может быть осуществлён в самом различном знаковом материале: иконическом, пиктографическом, дискрептивном, символическом, идиоматическом. Согласно Ж.Лакану, бессознательное – это не вместилище хаотических инстинктивных влечений, а та часть конкретной речи, в её трансиндивидуальном качестве, которой не хватает субъекту, чтобы восстановить целостность (континуальность) его сознательной (т.е. дискретной) речи. Таким образом, бессознательное структурировано как глубинная структура языка, что совпадает, по существу, с символической функцией Леви-Стросса – универсальным набором правил, организующих индивидуальный лексикон и позволяющий субъекту превратить его в речь на уровне вторичного процесса (на уровне связывания вычлещённых аналоговых предметных представлений с соответствующими вербальными референтами во внутренней речи)! Теоретически, у сознания нет границ – оно способно к бесконечному расширению. Эмпирически, однако, оно доходит до своего предела сталкиваясь с неизвестным (в бейсовском понимании и с позиций гештальт-теории), с невозможным, невероятным или с областью закрытой для осознания мнемической зоны. «А неизвестное – это то, что не связано с Я как центром сферы сознания (у Юнга) и включающее

две группы объектов: объекты, которые пребывают во внешнем мире и могут быть восприняты чувственно, и те, которые пребывают во внутреннем мире и воспринимаются непосредственно»⁹. Как мы покажем далее, вторая группа объектов, воспринимаемая через означающее, и представляет собой бессознательное. Данная модель бессознательного предполагает, что на уровне личности всё происходящее в сознании имеет свои референты в бессознательном, а бессознательное содержание, прорываясь, имеет структуру «впрыска» в сознание при осознании и, определённо, несёт некую разрешающую способность, которая в свою очередь требует интеллектуальной транскрипции. Ведь пограничное состояние сознания предполагает пограничное восприятие, мышление и т.д. Транскрипции требует то, что в терминах культуры задаёт рамку, пограничную теорию индивидуальности, выход за которую и есть способ сообщения со сферой бессознательного психического и, в конечном счёте, способ самостановления, модус самоформулирования. Пограничная личность в этом случае предполагает пограничное поведение (например, поведение актёра на сцене, играющего безумие, является в сущности пограничным, не отменяя при этом его субъективной психической полноценности и вмещаемости) и, собственно, пограничное сознание – вступившего в пограничную территорию бессознательного и допустившего своего рода реверс, – замещение содержаний в цепи означающих психических феноменов. Так мы можем установить такт, присущий порядку осознания, в котором страдание, неотделимое от любого рода диссоциации, предстаёт как вторичное переживание и обеспечивает потенциальную развёртку первичной причинной составляющей на уровне смысла.

«М.Кляйн в работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» выделяет три основных механизма формообразования личностной диссоциации: расщепление, проекция и интроекция объекта, за счёт торможения критической установки, интенсифицирующих галлюцинаторные фантазии»¹⁰. Последствием проективной идентификации становится инверсия: субъект и объект теряют свои собственные характеристики. Субъект самополагает себя как объект и наоборот... Я способно к ауто-расщеплению для предотвращения восприятия; проекция может затронуть объект будучи бессознательно направленной на его разрушение, воспринимаемая при этом фрагментарно. При этом Я и Сверх-Я представляют собой бессознательные фантазии, имеющие свою причину в бессознательном и образующиеся благодаря силе воображения. М.Кляйн также описывает сложный механизм ре-

⁹ *Jakobi J.* The Psychology of C.-G. Jung. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1973. – P.87.

¹⁰ *Klein M.* Notes of Some Schizoid Mechanisms. Personality Structure and Human Interaction. – London: Hogarth Press, 1961. – PP. 11 – 47.

активного формирования реакций, связывая его с замещением чувств, идей и переживаний противоположными. Весь сложный процесс мышления развёртывается благодаря формообразованию в процессе воссоздания реальных объектов в психическом содержании фабулы объектных отношений (эдипальная ситуация, страж кастрации, сепарация и др). Формообразование, наравне с психическим отражением, по нашему мнению, выступает здесь как продолжение его [отражения] рецептивных и солипсихических свойств, обеспечивая процессы порождения нового (Другого) и обладающее генеративной силой и своими пространственно-временными квазивещественными конструкциями! В отсутствии сформированных отношений к внутренним и внешним объектам мир ребёнка остаётся бессвязным, калейдоскопичным! Момент образования точек фиксации на этом этапе нарушения переработки объектных отношений и представляет собой предмет нашего исследовательского интереса.

Д.В.Винникот делает акцент в понимании диссоциации на том, что «импульсы Оно являются, на ранних этапах развития, травматичными, прецедентными и внешними, – как звук или удар грома; которые интернализуются в ранних бессознательных фантазиях»¹¹. Собственная асоциальная тенденция есть способ тестирования реальности и поиск новых внешних факторов интеграции, заставляющей организовать соответствующим образом ближайшее социальное окружение. Х.Гартман, в свою очередь, постулирует «вторичную автономию Я» в конфликте взаимодействия между интрапсихической организацией и социальной реальностью. «Понятие «нейтрализации» энергии связано здесь с теми феноменами, которые обсуждаются с точки зрения связанной и свободной энергией, – отводом энергии в первичных процессах и в процессах памяти»¹². В некоторых случаях определённые функции Я могут перекрываться функциями Сверх-Я – образуя интрасистемный конфликт, берущий начало в бессознательной де-формации Сверх-Я и обеспечивая при этом неосознанное следование или сопротивление этому императиву, возникшему, в свою очередь, в процессе психического развития и проявляющемуся в существующих конфликтах, которые доводятся до сознания и централизуются в нём. Так, по нашему мнению, происходит формирование стабильного равновесия во взаимодействии между социальными (культуральными) формами и интрапсихическим содержанием и, в сущности, зачатков процесса бессознательного самостановления личности.

Диссоциация личности, по нашему мнению, характеризуется тем, что субъект пребывает в режиме непрерывной дифракции психического пространства, опосредованно завися от внешних условий. Ей свойственны следующие черты: утрата чувства реальности, парадоксальность, мозаичность, преодоление идентичности (возникновение другого Я), экстравагантность действий, социальная «невписанность» и так далее. Выход в пограничную территорию между сознанием и бессознательным мы связываем с первичной неинтегрированностью процессов, организующих внутреннюю реальность на ранних этапах развития и формирования объектных отношений, – когда мир ребёнка остаётся бессвязным и калейдоскопичным. Ведь бессознательные импульсы в это время являются травматичными и внешними, как звук или удар грома, и интернализуются в виде метамоделей, в той мере, в какой они есть предпосылка самостоятельной реальности каждого конкретного Я. Аномальная личность вызывает по отношению к себе такую организацию социального поля, которая обеспечивает её становление и допускает вписанное в психотравмирующую нехватку или разрыв порождение нового, как категории невозможного. Это соображение требует развёрнутых пояснений, которые следует строить на том основании, что фактор несогласованности или расщепления интрапсихического опыта является следствием тенденций отношения к внешней реальности как к источнику травмы, девальвирующей порядок когнитивных и поведенческих образований.

При наличии личностной аномальности не обнаруживается нарушений функции тестирования реальности, лишь при сильной аффективной напряжённости возможны отдельные иллюзорные нарушения, хотя этиология и патогенез данных феноменов остаётся невыясненным. Их описание впервые встречается у Ж.Причарда под названием «нравственное безумие». В отличие от болезненных процессов, имеющих начало, развитие и исход, они оцениваются как эволютивные, чьё развитие неразрывно связано с общим развитием (эволюцией) человеческой психики! Эмиль Креппелин, пользуясь клинико-описательным подходом, выделяет следующие варианты аномальных индивидов: возбудимые, безудержные, импульсивные, обманщики, псевдологии, враги общества, антисоциальные. Классификация относится к 1915 году. Позднее к ним были добавлены: депрессивные, фанатичные, неуверенные в себе, бездушные, экспансивные, истерические и т. п. Как можно заметить, в основе классификации лежат психологические описания личностных особенностей, что подтверждает первичность психологической теории в отношении клинической в самом общем виде! В классическом психоанализе отвергаются принятые в психопатологии нозологические формы, а здоровье рассматривается в терминах индивидуального психопатогенеза и интеграции (целостности) Я.

¹¹ Winnicott D.W. Pige. An account of the psychoanalytic treatment of a little girl. – London: Hogarth Press, 1978. – PP. 205 – 215.

¹² Гартман Х. Концепции становления в психоанализе. – М.: 2002. – С. 312.

Тем не менее, расстройства трактуются как «фиксация» на определённом этапе психосексуального развития, следствием чего становится утрированное, без учёта реальной ситуации, использование психологических защитных механизмов, в зависимости от индивидуальных особенностей. Согласно психодинамической концепции, основные паттерны социального взаимодействия складываются ещё до завершения периода полового созревания, и препятствия в удовлетворении ведущих потребностей вызывают фиксацию у взрослого человека на ранних стадиях за счёт бессознательных процессов.

В конечном счёте, диссоциацию мы понимаем как неосознаваемое изменение предикативной структуры психической организации, где предикат – свойство нескольких предметов, в логике – пропозициональная функция, то есть «выражение с неопределёнными терминами» (переменными, которые мы, вслед за Ж.Лаканом, склонны считать означающими), при выборе конкретных значений для этих терминов преобразующееся в осмысленное высказывание. Если можно рассматривать содержание сознания как текст с когнитивистских позиций, то диссоциация будет представлять собой разорванный лист с этим текстом, части которого сложены в другом порядке и приведены к смысловому соответствию. Это диахрония, которая в синхронической сети означающих даёт эффект предпочтения¹³. Данная операция деконтекстуализации личностной организации производится перманент-

но и, как в калейдоскопе (дифракционно), изменяет обратный, ассоциативный, аффективный и психодинамический порядок, а также порядок ценностных образований. «Вместе с тем, это приводит к образованию модели, в соответствии с которой придаётся форма любому новому опыту и, как поясняет Л.Бинсвангер, к переживанию отчаяния и психического страдания (raption), к тревоге и дезадаптации»¹⁴. Так или иначе, со структурной точки зрения, проблема категоризации феноменов диссоциации личности остаётся не решена. Представленная точка зрения не является общепринятой и, по сути, на сегодняшний день остаётся невысказанной, но, как известно, открытия в науке не делаются большинством голосов, и дискурс следует выстраивать не в направлении того, что мы знаем в общем корпусе выработанных представлений о личности, а в направлении того, что нам неизвестно.

¹³ Лакан Ж. Семинары. Книга IV: Образования бессознательного (1957/1958). – М.: Гнозис; Логос, 2002. – С. 604.

¹⁴ Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / История болезни Лолы Фосс // Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвиг Бинсвангера / Под ред. Джекоба Нидлмана. – М.: 1999. – С. 230 – 232.

DISSOCIATION: SELF-MAKING PERSONALITY MODUS (PSYCHOANALYTICAL ASPECT)

© 2009 S.G.Buklovsky^o

Samara State Regional University named after M.V.Nayanova

The phenomenon of personal dissociation is insufficiently studied in the modern psychology. The article deals with the essence of the personality dissociative disorder phenomenon taking into account the theory of classical psychoanalysis and psychodynamic concepts. It also contains the analysis of a personality disorder in the sphere of unconscious and general mental devise. The author tries to reveal the origin of the phenomenon and interrelation with the unconscious processes. Actual directions of research in the filed knowledge are designated.

Key words: personal dissociation, unconscious processes, personal disorder, unconscious self-making, identity, logic of studies in psychoanalysis.

^o Buklovsky Sergey Georgievich, Cand. Sc. in Psychology,
Senior lecturer of the Psychology department.
Director of the center for science research «Sirius».
Member of International Association for Analytical Psychology.
E-mail: msieburg@list.ru